

Б. Л. Байков²⁶⁷

ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ²⁶⁸

Уже в октябре месяце проходившие через Баку, морем из Персии, и через узловую станцию Баладжары (по шоссе 8 верст от Баку) с Кавказского турецкого фронта, а также и шедшие из Туркестана через Красноводск — Баку воинские части, представляли собою в большинстве разложившиеся солдатские массы, с оружием в руках стремившиеся к себе на родину в Центральную Россию. В ноябре развал фронта уже вполне обозначился, и мужественный старик генерал М. А. Пржевальский²⁶⁹, герой Сарыкамыша и Эрзерума, стоявший в то время во главе командования Кавказской армией, уже не мог ничего поделать.

Создавшийся к тому времени Закавказский Комитет, во главе с Е. П. Гегечкори, распорядился закрыть для уходивших с фронта войск город Тифлис, опасаясь разграбления его и богатейших военных запасов, в нем сосредоточенных, солдатскими бандами; для этой цели узловая станция Навтлуг (в 5—6 верстах от Тифлиса), через которую шло раньше сообщение с фронтом как из Тифлиса, так и из центра России, была закрыта и узловая станция была перенесена в Караязы, кажется, или еще дальше — одним словом, верст за 40—50 от города Тифлиса, благодаря чему воинские части по железной дороге следовали в Россию минуя Тифлис.

Вместе с тем тот же Комитет, учитывая и последствия переворота, свергнувшего Временное правительство и давшего власть большевикам, и развал фронта, и совершенное обнажение государственных границ, постановил разрешить формирование национальных частей. Армяне и грузины, отбывшие воинскую повинность в России на общем основании, имели в своей среде немало кадровых солдат и много офицеров, среди которых было много весьма дельных.

* * *

В ином совершенно положении оказались закавказские татары, взамен личного отбывания воинской повинности платившие воинский налог и имевшие в составе российской армии очень немного представителей среди офицерства.

Тифлисские интендантские арсеналы и склады заключали в себе колоссальнейшие запасы оружия, обмундирования, провианта, фуража, всякого снаряжения и т. д., рассчитанные на миллионную армию.

Было, следовательно, чем и вооружить и снабдить вновь формируемые национальные воинские части всех родов оружия, как армянам, так и грузинам,

не говоря уже о том, что оружие имелось при себе у каждого из возвращавшихся к себе на родину со всех фронтов воинов - грузин и армян.

Разрешено было и русскому населению Закавказья формирование особого русского корпуса, во главе которого стал, если не ошибаюсь, генерал Левандовский.

Татарам в выдаче оружия было или вовсе отказано, или же выдача такового была только обещана в будущем, да и то в незначительном количестве. Однако и татары приступили тоже к формированию национальных воинских частей, которым оружие и снаряжение нужно было иметь во что бы то ни стало. И на этой именно почве разыгрались ужасающие кровавые события, известные под именем Шамхорских событий.

Лица, стоявшие к этим событиям ближе, прольют когда-нибудь на всю эту поистине кошмарную историю полный свет.

По почину ли самих татар (кого-либо из их главарей), по указке ли из Тифлиса, прилегающему к линии железной дороги Тифлис—Баку татарскому населению дано было кем-то понять, что можно отнять оружие у проходящих с фронта русских воинских частей. (Широкие общественные круги связывают с Шамхорскими событиями имя грузина полковника князя Л. Магалова, стоявшего со своим татарским полком Дикой дивизии около города Елизаветполя, недалеко от места избиения русских воинских частей. — Б. Б.).

И вот, в течение нескольких дней на железнодорожных станциях в районе города Елизаветполя (в особенности у станции Шамхор, Далляр, Даль-Маметлы и др.) на проходившие воинские эшелоны произведен был, по преимуществу в ночное время, ряд нападений татарскими вооруженными бандами. Поезда обычно тем или иным путем останавливались (даже путем подготовленных заранее крушений) и сонные, ничего не понимавшие солдаты расстреливались и ограблялись. В то же время следующие эшелоны, ничего не знавшие о том, что происходит впереди, продвигались вперед и с ними проделывалось то же самое.

Так продолжалось несколько дней, пока, наконец, об учиненных татарами зверствах не дошла весть по линии в сторону к фронту. Эвакуировавшиеся с фронта части хотели было изменить направление и пробиваться через Тифлис на Батум, но их не допустили в сторону к Тифлису бронепоезда, охранявшие этот участок пути.

Вынужденные двигаться в ту же сторону, то есть на Елизаветполь — Баку, воинские части, озлобленные участью своих боевых товарищей, пошли дальше уже как по вражеской стране, сметая по всему пути все татарское население, принимавшее и не принимавшее участие в кровавых Шамхорских и иных нападениях. Местами войска шли боевым порядком, громя все из орудий и пулеметов. В результате было действительно разгромлено уходящими с фронта войсками много цветущих аулов, поселков и местечек.

Далекую от истины информацию по этому предмету дает В. Станкевич (Судьбы народов России, стр. 245), говоря, что “русская озлобленная и дезорганизованная армия катилась с фронта, грабя и громя главным образом мусульманское население (по данным мусульман, при этом было разрушено дотла около 200 мусульманских селений)”.

Кроме мусульманских селений, ни одно селение других национальностей тронуть не было; цифра разрушенных селений мусульман безусловно преувеличена, ибо всякому, кто знает Закавказье, ясно, что на 5 — 10 верст по обе стороны железнодорожного пути, даже если считать весь путь от Баку до Тифлиса, расположено лишь несколько десятков татарских селений.

Одна из воинских частей, понесших при столкновении с татарами в пути большие потери, привезла своих убитых в Баку, где и похоронила их на кладбище. Похороны социалистическими организациями были обставлены с большой помпой и произвели на татарское население весьма угрожающее впечатление; и в татарских частях города ожидали эксцессов, которые, к счастью, не имели места. Настроение в городе во всяком случае было тревожное и ждали погрома татар.

* *

В связи с нараставшим все более национальным разъединением жизнь в Закавказье все более усложнялась. Нарастало недоверие татар к армянам и обратно; ухудшались отношения к русским со стороны и татар, и грузин. Передвижение по краю представителей одной национальности в местах, населенных другой национальностью, недружелюбно или враждебно настроенной (как, например, армян через татарские провинции), было не только затруднительно, но и опасно.

В Баку скопилось около 8000 армян-солдат, вернувшихся с европейских фронтов войны с оружием в руках. Следовать одиночным порядком они опасались, так как им угрожала опасность от вооруженного татарского

населения; пропустить же их эшелонами и в виде воинских частей не соглашалось татарское население, опасаясь в свою очередь эксцессов.

Население, кроме русского, лихорадочно вооружалось в ожидании каких-то грядущих событий.

Озлобление татар, вызванное в них теми потерями, которые понесло татарское население в результате Шамхорских событий, вылилось в так называемые Муганские столкновения: Муганская степь, расположенная в нижнем течении рек Куры и Аракса и северной части Ленкоранского уезда, до того совершенно бесплодная и кишевшая всякими гадами, в течение последних 40—50 лет, с поселением на ней русских, по большей части сектантов (главным образом, молокан) и с устройством на ней ирригации, расцвела и превратилась в одну из плодороднейших и богатейших местностей не только Закавказья, но и всей Российской Империи.

Появились богатейшие поселения подчас с населением, доходившим до нескольких тысяч человек. Хлопок, клеверина, клевер, всякие хлеба, с одной стороны, рыбные промыслы — с другой давали трудолюбивому русскому населению (и сектантам, и православным) огромные излишки, сверх необходимого на прожиток. Население богатело и примером своим будило к подражанию и косное татарское население, которое начинало перенимать у русских их способы обработки.

Отношения между населением русским и татарским не оставляли желать лучшего; татары несколько побаивались русских, помня, как несколько десятков лет назад только что поселившиеся русские переселенцы жестоко расплачивались с окрестным туземным населением за всякое причиняемое ему зло (кражи, угон скота, разбои, убийства).

И русские, и татары жили мирно и добрососедски. Правда, порою приходилось слышать от ярых националистов татар, что русское правительство неправильно заселило богатейшую Муганскую степь русскими выходцами и лишило туземное население этих богатейших земель (к слову сказать, в течение столетий остававшихся незапаханными и бесплодными).

С началом революции и по мере все большего ее углубления и соответственного ослабления русской власти татарские националисты стали все громче поднимать свой голос. Лозунг “Закавказье для кавказцев” решал, по их мнению, все вопросы о дальнейшем существовании русского населения в Закавказье. Все чаще (даже и в прессе) раздавались голоса, что русским пора уходить из

Закавказья, уступив насиженные ими места природным их владельцам — татарам.

В конце декабря 1917 года, точно по приказу, начался разгром татарскими вооруженными бандами цветущей Верхней Мугани. Было разгромлено до 30 богатейших селений; разгром этот начался так неожиданно, что русское население не оказало почти никакого сопротивления. Но уже Средняя и Верхняя Мугань не только подготовились к защите, но и сами, в свою очередь, истребили все те татарские поселения, которые находились или в ближайшем их соседстве, или вклинивались в полосу русского поселения. Мугань стала вооруженным станом в особенности после возвращения с фронта солдат, уроженцев Мугани.

Та же приблизительно картина наблюдалась и в частях Геокчайского и, в особенности, Шемахинского уездов, где также имелось много русских поселений. Этому русскому сельскому населению не на кого было опереться с падением русской национальной власти. Власть же кавказская — Закавказский Комитет — была занята своими внутренними и внешними национальными делами и ей было не до защиты чуждого ей в этот момент русского населения. Перед кавказской властью вставали, с одной стороны, грозный призрак торжествующего русского большевизма, с другой — реальная угроза со стороны Турции.

Народившееся в Баку беспартийное (в него входили персонально правые эсеры, кадеты и правые политическая группы) Русское национально-демократическое общество (выставившее свой список и на городских выборах в Баку) энергично взялось за дело помощи бедствующему русскому населению. Правильно считая, что в переживаемой эпохе все вопросы и политического, и физического существования решаются реальной силой, Русское национально-демократическое общество вступило в ближайшее соглашение с командованием русского “национального” корпуса в Тифлисе и провело на Мугани формирование нескольких русских пехотных полков и артиллерии, и деятельно снабжало русское население оружием и патронами, собирая на это необходимые денежные средства.

* * *

Отношения армян и татар после событий 1905 —1906 годов, когда междоусобная их вражда дошла до открытого столкновения, сопровождавшегося взаимными массовыми избиениями, были испорчены вконец.

Будучи свидетелем этих столкновений, могу сказать с полной уверенностью, что они были инспирированы русской правительственной властью, воспользовавшейся существовавшим втайне антагонизмом этих двух народностей, хотя и не проявлявшимся до того внешним образом, но находившим себе определенное объяснение в симпатиях армян и мусульман русских к своим зарубежным единоплеменникам в Турции.

Баку и его район в 1905 году, во время первой русской революции, представлял серьезный политический очаг, и русское правительство сознанием этой национальной междоусобной распри ликвидировало нараставшее политическое движение, запугав население призраком гражданской войны.

Случайно на меня выпала тяжелая обязанность быть защитником во всех положительно делах об армяно-татарских столкновениях, разбиравшихся военными судами с применением законов военного времени. И ни в одном из этих дел не удалось доискаться до истинных причин этих столкновений и до имен действительных их вдохновителей. И лишь в процессе об убийстве Бакинского губернатора князя Накашидзе, убитого бомбой (защищал вместе со мной и присяжный повторенный А.С. Зарудный), брошенной армянскими террористами, удалось пролить свет на роль князя Накашидзе и вообще русской администрации в деле организации этих погромов, причем администрация определенно инспирировала татар на эти погромы, снабжая их и оружием.

Отношения армян и татар с 1905—1906 годов были испорчены, и хотя внешним образом и не проявлялись ни в чем, но взаимное недоверие и подозрительность проявлялись весьма резко.

И чем больше проявлялся сепаратизм татар, тем более в широких армянских массах (не говоря уже об интеллигенции и вообще о верхах) преобладала чисто русская ориентация по мере все большего углубления всероссийской “смуты”. В армянах властно говорил инстинкт самосохранения, подсказывавший им, что изолированность их территориального расселения угрожает им смертельной опасностью от окружавших их тесным кольцом мусульманских народностей, не суливших им, судя по примеру их турецких зарубежных братьев, ничего хорошего в будущем. Это именно психологическое состояние армян объясняет и их склонность идти даже с большевиками. Армяне откровенно говорили: “Мы с русскими, будь они даже и большевики”.

Привыкнув издавна к борьбе за свое физическое существование, армяне деятельно готовились к событиям, надвигавшимся с очевидной неизбежностью.

При изложении истории выборов в городскую думу нам пришлось упоминать, что большевики к этому времени уже объявились официально в ряду других политических партий.

В Баку существовал совершенно открыто ряд большевистских организаций, и в городе было определенно известно, что у них имеется свой штаб и что они деятельно готовят к выступлению.

Фракция большевиков в городской думе, пользуясь разбродом социалистических сил, вела социалистов за собой по пути максимализма. Со дня на день постановления городской думы становились все более демагогическими. Истинные интересы городского хозяйства, до которых социалистам всех оттенков не было никакого дела (ибо им, пришлым людям, интересы плательщиков и демократических слоев населения были чужды), были принесены жертву целям усиления социалистами своего политического влияния.

Расшатанные революцией городские финансы расшатывались еще больше путем широкой выдачи денег из городского сундука на удовлетворение самых несуразных требований городских служащих и рабочих. Из той же городской кассы выдавались деньги и бастующим рабочим промышленного района (к городу не принадлежавшего); и морякам торгового флота, и пр., и пр. Нехватавшие на все эти операции средства извлекались сначала путем учета в банках краткосрочных обязательств городской управы, а когда иссяк и этот источник (банки перестали верить), городская дума приступила к печатанию своих собственных денег — бакинских “бон”.

Под влиянием социалистов, шедших послушно за большевиками, городское самоуправление вмешивалось положительно во все сферы жизни горожан. При этом преследовалась одна лишь определенная цель: все мероприятия имели целью привлечение пролетарских масс под эгиду социалистических групп и, в частности, большевиков, обещавших массам больше других. В сущности, проводилась самая беззастенчивая демагогия.

Вместе с тем большевики очень ревностно следили за деятельностью тех групп и партий, которые продолжали с ними идейную борьбу. Помню, между прочим, такой инцидент: комитет партии “Народной Свободы” выпустил анонимную листовку (не помню, кто был ее автором), в которой очень хлестко и метко характеризовалась разрушительная и явно антигосударственная работа большевиков. Появилась эта листовка, кажется, в первых числах января 1918 года; она произвела очень сильное впечатление и буквально расхватывалась повсюду. Прошло несколько дней, и вдруг, как-то поутру в помещение комитета

явилась боевая дружина большевиков и, несмотря на протесты дежурного члена комитета и служащих, ею был произведен обыск, причем большевик товарищ Джапаридзе (этот самый Джапаридзе был одним из наиболее видных комиссаров большевистского правительства, продержавшегося в Баку с апреля по июль. В августе 1918 года он был расстрелян англичанами в Закаспии. — Б. Б.), руководивший обыском, заявил, что они ищут доказательств, что так не понравившаяся им листовка напечатана у нас. И хотя обыск не дал никаких результатов, было заявлено, что деятельность наша находится под наблюдением.

Налеты большевиков, преследовавших цели (по их словам) борьбы с контрреволюцией, становились все чаще. И все же многие из русских общественных деятелей (не скрою, что и я был в их числе) не допускали не только мысли, чтобы выступление большевиков в Баку и захват ими власти оказался возможным, но даже не допускали самой возможности подобного выступления. При наличности двух компактных национальных масс — армян и татар, в большинстве своем настроенных буржуазно, большевикам, полагали мы, не на кого было бы опереться в населении.

Одновременно с этим в группе горожан, не социалистов, учитывавших, что усиливавшийся развал городского хозяйства и управления приведет к катастрофе, которая поразит одинаково все классы населения и с особой силой отразится на беднейшем населении, возникла мысль об организации самопомощи населения. Во главе этой организации стали уже названные мною присяжные поверенные А. К. Леонтович и Я. Н. Смирнов и один из старейших горожан — присяжный поверенный М. Я. Шор.

Предположенная организация — “Центродом” должна была объединить стройную систему “домовых комитетов”, на которую возлагалось осуществить все то, что, в сущности, входило в ближайшие задачи городского самоуправления, и прежде всего охрана безопасности граждан.

Домовые комитеты и их объединения — участковые, районные и “Центральный” — брали на себя исполнение целого ряда функций и обязанностей, которых в то время не нес никто: регистрация населения, наблюдение за чистотой и порядком в домах и на улицах, охрана безопасности в домах и на улицах, в особенности в ночное время, борьба с огнем и т. д.

К образовавшейся инициативной группе в самое короткое время примкнул ряд энергичных людей, без различия партий, и этой значительно расширенной группе удалось добиться согласия городского самоуправления на утверждение всего плана предположенной организации и разрешено было приступить к

открытию действий. Через две-три недели были произведены выборы, и у нас в городе появилась мощная и принесшая огромную пользу впоследствии организация “Центродом”.

Чем ниже падала деятельность городского самоуправления и его органов, тем более все нормальные функции и управы, и думы переходили к “Центродому” и его органам. Весьма скоро жизнь заставила “Центродом” взять на себя и все заботы о питании населения, о снабжении его предметами первой необходимости, заботы по борьбе с эпидемиями и проч.

Душою “Центродома” с самого же начала был упомянутый А.К. Леонтович, который бессменно до июля 1919 года оставался председателем Центрального домового комитета. Забросив свою профессиональную деятельность и все свои личные (многочисленные) дела, покойный ныне Леонтович весь отдался созданному им делу, сумев привлечь к нему интерес во всех слоях населения, многонационального и разноязычного. Если близкие люди в шутку звали его “Центродом”, то многие из числа населения звали его так совершенно всерьез, до того личность его была неотделима от его деятельности.

И каких только “Центродом” не имел органов: пекарни, потребительные кооперативы, закупочные организации, больницы, детские приюты, образовательные курсы и т. д. Буквально не было той выдвигаемой жизнью нужды или потребности, на которую бы ни откликнулся “Центродом”.

Деятельность эта осуществлялась и при большевиках, в дни осады турок, при владычестве турок, при англичанах, при Азербайджанском правительстве.

Отсутствовавший с июля 1919 года по март 1920 года А.К. Леонтович в апреле 1920 года в первые же дни занятия города Баку большевиками был ими арестован и в ту же ночь расстрелян в тюрьме, как контрреволюционер и “деникинец”.

Чтобы закончить характеристику личности А.К. Леонтовича, много поработавшего на общественной ниве, скажу еще. Когда в марте месяце 1918 года в городе произошло вооруженное выступление большевиков и выяснилось, что татары не удержатся, А.К. Леонтович, живший в наиболее угрожаемой части города в армянском доме, несмотря на просьбы всех его близких, не хотел уйти из дома, в котором жил, ссылаясь на то, что уход его из дома произведет деморализующее впечатление на соседей и на околотовок; он ушел из дома только тогда, когда дом, подожженный татарами, был уже весь в пламени и, выбежав на улицу с женою и трехлетним единственным сыном, попал под

уличный обстрел, и на его глазах был убит пулей в сердце его ребенок и разрывной пулей тяжело ранена была его жена.

* * *

Баку и его нефтепромышленный район с его колоссальными запасами нефтяного топлива, без которого должны были стать в России вся промышленность, железнодорожное и пароходное движение, поставили перед новым властелином России — большевиками — неотложную задачу захвата Баку. Навигация в Баку начинается обыкновенно в начале марта, ибо к этому времени обычно очищается от льда устье реки Волги и рейд.

Приближение момента выступления большевиков определенно чувствовалось всеми слоями населения. Большевики и не думали вовсе скрывать свои намерения. Всякими правдами и неправдами у приходивших воинских частей отбиралась та или другая часть оружия (в особенности пулеметы) и снаряжение; была задержана материальная часть нескольких батарей. Каспийский флот был весь распропагандирован.

К моменту готовившегося выступления большевиков в городе были задержаны, при содействии железнодорожников, несколько воинских пехотных частей, шедших с фронта.

Одна лишь морская авиационная школа не только не разделяла плана большевиков, но и была определенно настроена против этого выступления, что до известной степени смущало большевиков.

Сил для овладения в городе властью было достаточно. И тем не менее, если бы и армяне, и мусульмане оказали большевикам совместно энергичное сопротивление, попытка большевиков им бы, наверное, не удалась. И большевики это отлично учитывали и потому все свои усилия направили на то, чтобы расколоть возможный союз этих двух национальностей.

Из рассказанного выше видно, что поводов к взаимному недовольству, и даже к неприязни было достаточно. И тем не менее наиболее умеренно настроенные вожди обеих национальностей и люди из их среды, смотревшие вдаль и оценивавшие возможные последствия надвигавшихся событий, старались искренно повлиять на элементы, наиболее возбудимые.

Из числа русских все те общественные деятели, которые пользовались каким бы то ни было влиянием среди армян и татар, энергично работали над тем, чтобы как-нибудь поддержать общий фронт против большевиков. Происходили

неоднократно свидания руководителей той и другой национальностей — Армянского и Мусульманского национальных комитетов.

Накануне выступления большевиков, вечером 24 марта 1918 года (ст. ст.), я был на заседании городской думы. Часов около 7 вечера по телефону дали знать, что на Петровской набережной происходит вооруженное столкновение между большевиками-матросами и производившим погрузку в Ленкорань эшелон Дикой дивизии под командой корнета Али Асадуллаева.

Заседание думы было прервано, и в результате краткого совещания бывшие налицо представители армян, татар и некоторые русские отправились к большевикам и на место столкновения, и, казалось, все было приведено к спокойствию. Но, выйдя из здания думы, я увидел на улице густые толпы татар, вооруженных до зубов, спешившие из всех нагорных татарских частей к месту бывшего столкновения.

На улицах было беспокойно, и я прошел поблизости к одному приятелю — татарину, у которого остался ночевать. Около 11 часов вечера нам позвонили по телефону, что инцидент улажен, причем татарская воинская часть временно сдала оружие матросам-большевикам.

Так как за несколько дней перед тем Армянский национальный комитет категорически заверил, что, в случае какого-либо столкновения между татарами и большевиками, армяне останутся нейтральными, то можно было надеяться, что все обойдется благополучно. На другой день, поутру, возвращаясь к себе домой, я почти совсем успокоился: на улицах все было спокойно, хотя малоллюдно, и лишь поражало отсутствие извозчиков. При переговорах по телефону отовсюду получались успокоительные сообщения.

Но около 4 часов дня мне позвонил по телефону А.К. Леонтович и сообщил, что сейчас происходят горячие переговоры на Баилове (морская территория) между большевиками и представителями татар, потребовавшими возвращения оружия, отобранного накануне вечером у всадников Дикой дивизии; что переговоры эти вряд ли приведут к благополучному концу и что перемирие, если дело не закончится миролюбиво, кончается в 5 часов дня. Я жил в центральной части города, в большинстве населенной армянами, причем из окон моей квартиры открывался с двух сторон вид почти на весь город и рейд.

Около 5 часов дня загремели первые орудийные выстрелы судов Каспийского флота, отошедшего несколько в глубь рейда. Дымки разрывов ясно были видны в нагорной части города, густо населенной татарами. Вскоре затрещали

пулеметы в разных сторонах и одновременно послышалась сильная ружейная стрельба. Орудийная канонада все усиливалась.

Население попряталось по домам; зашедшие к нам еще до начала открытия военных действий знакомые остались у нас, не рискнув добраться уже до дому.

В течение 4 дней в городе был буквально ад. К счастью, телефон продолжал действовать, и это была наша единственная связь с людьми близкими. Ежеминутно получались самые разнообразные сообщения.

Поначалу татары имели успех; говорили, что у них была артиллерия и что она наносит большой урон большевикам. Но уже на второй день стало ясно, что татарам не устоять в неравной борьбе.

Армянский национальный комитет с своей стороны принимал меры к тому, чтобы сдержать армянские массы от участия в столкновении. Но комитет партии “Дашнакцутюн” решил принять активное участие в борьбе и “дашнакцакане” повели наступление на татарские позиции; к ним примкнули и армяне-солдаты, томившиеся уже несколько месяцев в городе и не имевшие возможности, по указанным выше причинам, добраться к себе домой.

Озлобление с обеих сторон все усиливалось; большевистско-татарское столкновение начинало приобретать характер национального столкновения, причем против татар, кроме большевиков, выступали все большие массы армян.

Огонь судовой артиллерии становился все сильнее и разрушительнее; артиллерия большевиков била на выбор; один за другим сносились здания, особенно дорогие в глазах мусульман: большая мечеть Джума, дом мусульманского благотворительного общества, редакция и типография стариннейшей газеты “Каспий” (татарофильской, но выходившей на русском языке), дома богачей татар. Начались пожары. Положение татар все ухудшалось, и, наконец, они дрогнули: начался массовый исход татар из города в окрестности.

Несчастное население татарских частей города, бросая имущество на произвол судьбы, спешило уйти из-под убийственного огня артиллерии и пулеметов и скрыться где-нибудь в окрестностях.

Начались попытки к прекращению дальнейшего кровопролития, переговоры тянулись без конца, ибо большевики требовали сдачи без всяких условий с выдачей всего оружия и известного числа заложников. (На решение большевиков о прекращении дальнейших боевых против татар действий

повлияла не столько ненужность дальнейшего кровопролития, сколько категорическое заявление двух пехотных русских полков, при возвращении с фронта умышленно задержанных большевиками в городе, — полки эти, не принимавшие никакого участия в военных действиях большевиков, категорически заявили, что если большевики не прекратят дальнейшего кровопролития, то полки эти немедленно сами выступят против большевиков. Угроза эта была весьма серьезной, ибо эти два полка боевого состава представляли свыше 8000 человек бойцов. — Б. Б.)

На третий день мы получили тревожные сведения о несчастной судьбе брата моей жены, А. К. Леонтовича, а через час к нам домой были привезены сам обезумевший от горя Леонтович, тяжело раненная разрывной пулей навывлет в грудь его жена и труп их трехлетнего единственного сына.

29 марта по телефону я получил сообщение, что военные действия будут прекращены, так как достигнуто соглашение между враждебными сторонами. И действительно, огонь стал стихать, и часам к 2 в городе все как-то сразу затихло. Вместе с тем стало известно, что в городе образовалась большевистская власть и во главе ее стал Степан Шаумян, назначенный Верховным комиссаром всего Кавказа приказом из Москвы.

В тот же день большевиками было объявлено в Баку осадное положение, и город был подчинен коменданту прапорщику Авакияну, известному своей предшествующей деятельностью по разложению воинских частей. (Авакиян — недоучившийся студент, офицер военного времени, все время скрывавшийся в тылу; кокаинист и неврастеник; расстрелян в числе 26 большевистских бакинских главарей в августе месяце 1918 года англичанами в Закаспийском крае. — Б. Б.).

На другой же день комитет партии “Народной Свободы” имел конспиративное заседание, на котором решено было временно приостановить деятельность и принять меры к сокрытию всех дел комитета и документов.

Мне не раз пришлось слышать впоследствии отзывы, что в “мартовские дни” 1918 года армяне беспощадно истребляли татар. Справедливость заставляет меня сказать, что это — далеко не верно.

В результате уличных боев погибло немало и армян, и среди них много выдающихся людей, как, например, д-р Леон Атабекян, один из лидеров эсеров, сын другого видного общественного деятеля и члена Армянского

национального комитета Г. Б. Тер-Микелянца, боевой офицер, пробывший всю войну на фронте, и много других, коих сейчас не вспомню. Около 3000 татар было спасено армянами и интернировано на время событий в огромном театре братьев Маиловых, где их все время поили и кормили.

Среди спасенных армянами татар было много представителей буржуазии и общественных деятелей, и даже такой явный армянофоб, как инженер Бейбут-Хан Джеваншир, один из организаторов и руководителей массового избиения армян в сентябрьские дни того же года, после взятия Баку турками и азербайджанцами.

Кто первый начал военные действия в памятные “мартовские дни”? Мне лично доискаться этого не удалось, и знают это лишь те, кто стоял в то время во главе событий, но полагаю, что обе стороны — и большевики, и татары — шли одинаково неудержимо навстречу событиям.

Надо при этом иметь в виду, что партия “Мусават”, после национального разграничения Закавказья (но еще до официального отторжения Закавказских республик от России, последовавшего месяцем позже), считала Баку своею национальною вотчиной и стремилась занять в Баку доминирующее положение. К этому же стремились и большевики в силу указанных уже выше причин. Армяне в большинстве тяготели к России и характерно, что даже у нас, в кадетском комитете, правоверные кадеты из армян стояли на той точке зрения, что на Кавказе большевики делают “русское” дело. Русские рабочие стояли в то время в большинстве уже на большевистской платформе; остальное же русское население, явно не сочувствовавшее большевизму, не представляло собой никакой действенной силы.

Как велики были потери, понесенные татарами во время “мартовских дней”? Официального их подсчета никогда не было сделано, да это и вообще представлялось бы невозможным. Сами татары на первых порах называли цифру убитых и раненых в 6000 человек; думаю, что цифра эта под влиянием перенесенных ужасов и страха была преувеличена. Поэтому цифры, называвшиеся впоследствии, — 15, 20 и более тысяч, — явно фантастические. Во всяком случае, необходимо отметить, что и со стороны татар, и со стороны армян было проявлено много случаев зверств: не только убивали, но и надругались над своими жертвами и те, и другие.

Исход татар, начавшийся еще в самые дни мартовских событий, обратился в поголовное бегство. Татары, спасшие свою жизнь, боялись за свою свободу, ибо

большевики принялись массами арестовывать татар (больше — по доносам), и в особенности всех тех, которые хоть сколько-нибудь возвышались над уровнем пролетарских классов; обвинения если и предъявлялись, то — или в контрреволюционности или в принадлежности к “бекско-ханской” партии “Мусават”.

Немедленно же начались (для нас это было еще вновь) политические и социальные эксперименты, составляющие систему большевистского государственного управления: под лозунгом конфискации буржуазных капиталов были закрыты и ограблены банки вместе с их сейфами; произведена реквизиция товаров в магазинах и на складах.

Меры эти тотчас же привели к фактическому уничтожению всякой торговли, закрытию базаров и к исчезновению с рынка товаров и съестных продуктов. Все бралось на учет и подлежало распределению.

Началась реквизиция квартир, помещений и домов. На место учреждений и организаций, существовавших до того, создавался невероятно сложный аппарат многочисленных коллегиальных учреждений с огромным штатом служащих “товарищей”.

Большевистские учреждения заполнялись людьми в большинстве малограмотными, не понимавшими того дела, к которому они приставлены, исписывалась масса бумаги, отдавались бессмысленные и жестокие распоряжения, и все это злое дело оправдывалось каким-то революционным правосознанием и прочими социалистическими бреднями.

Проведя на первых же порах выборы в Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, куда, понятно, на первых же порах прошло большинство делегатов-большевиков, Верховный комиссар Ст. Шаумян сорганизовал при себе исполнительный комитет, члены которого являлись народными комиссарами по отдельным отраслям управления.

Затем было преступлено к организации этих отдельных комиссариатов.

Кто же были эти комиссары?

Народное просвещение было вручено некоей Колесниковой, сельской учительнице, вся заслуга которой перед революцией заключалась в довольно продолжительном тюремном стаже. Психопатка, малограмотная, вздорная, с очень тяжелым характером, особа эта принялась за коренную ломку всех школ и

учебных заведений (было много специальных) и на первых же порах окончательно запутала все дело народного образования.

Как на один из примеров ее бестолковой деятельности укажу на следующее: ей, Колесниковой, захотелось облагодетельствовать пролетарские массы открытием целой системы библиотек, приблизив их к самому населению. Для этого несколько богатейших и прекрасно поставленных библиотек (городского самоуправления и, в особенности, Общественного собрания — частного клуба) со многими десятками тысяч томов были свезены в одно место, откуда без всякой системы книги эти (разрозненные издания, вперемешку и без всякого разбора) были арифметически, счетом, разбиты между несколькими десятками пролетарских библиотек. Нечего и говорить, что большинство книг “товарищами” были раскрадены и впоследствии появились в виде товара на базарах.

Колесникова добивалась от учительского персонала того, чтобы он проникся пролетарским мирозерцанием.

Созвав собрание всех педагогов, Колесникова повела к ним речь в таком тоне, который оказался совершенно неприемлемым для людей интеллигентных, а засим предложила собранию принять какую-то дикую резолюцию. Педагоги в ряде речей отчитали Колесникову, а когда ею были призваны в собрание красноармейцы для подавления “бунта”, то собрание разошлось, заявив протест.

Комиссар водного транспорта, тоже имевший продолжительный тюремный стаж при старом режиме (фамилии его не помню), уже через месяц проворовался и, хапнув 3 000 000 николаевских рублей, с ними бежал, но был где-то около Астрахани задержан и выведен “в расход”.

Комиссар финансов (фамилии также не помню), мелкий чиновник Бакинского казначейства, сразу ставший большевиком, был изобличен в мелкой взятке (несколько десятков тысяч рублей, бакинскими бонами) и также выведен “в расход”.

Мне более известна деятельность комиссариата юстиции. Во главе его был поставлен некто Кариниан (ныне, в 1921 — 1922 годах состоит на службе в большевистском Внешторге в Константинополе. — Б. Б.), столичный помощник присяжного поверенного, никогда не занимавшийся судебной практикой и имевший завидное, с точки зрения революционера, тюремное прошлое.

Мало сведущий в юриспруденции, основательно им позабытой с университетской скамьи, Кариниан получил себе в коллеги или же сам себе

пригласил какого-то темного дельца, татарина, состоявшего при одном из местных присяжных поверенных в качестве переводчика и маклера, приводившего своему патрону с улицы клиентов; и этот господин являлся главным советчиком “товарища” Кариниана.

В то время как все отрасли управления были уже реорганизованы большевиками, Кариниан, создав ряд следственных, военно-следственных и чрезвычайных следственных комиссий, положительно не знал, что ему делать с окружным судом и остальными судебными учреждениями. Оставить эти суды нетронутыми и предоставить им функционировать дальше было бы ересью с большевистской точки зрения, ибо у них должно было быть все по-новому, вплоть до названия.

В конце концов было решено Каринианом переименовать окружной суд в Народный окружной суд, уничтожив совершенно Гражданские отделения суда, а мировых судей переименовать в народных судей, придав всем этим судам (как Окружному коллегияльному, так и единоличным) народных заседателей, избираемых Советом рабочих, солдатских и матросских депутатов из “товарищей” с определенным пролетарским правосознанием.

Прокурорский надзор было решено уничтожить, а обвинение перед судом сделать свободным делом всякого гражданина, как будто задачи прокуратуры ограничивались одним публичным обвинением перед судом.

Назначенный Каринианом председателем следственной комиссии некто Тер-Оганиан, левый эсер, помощник присяжного поверенного, никогда не занимавшийся практикой, обратился ко мне с просьбой помочь им моими знаниями. Я не мог отказать себе в удовольствии написать вместо проекта судебной реформы самый злой памфлет, придав ему самый корректный вид деловой записки, обильно снабженной ссылками на литературу по затронутым вопросам.

Кариниан пожелал со мной познакомиться и побеседовать. При единственном моем свидании с ним я еще резче высказал ему мою точку зрения, и предсказал ему, что уже через месяц они (большевики) не будут знать, что им делать со своими судебными учреждениями и с распложенными ими делами. Разумеется, от всяких предложений, сделанных мне Каринианом, я отказался.

Военно-следственная комиссия со своим председателем “товарищем” Кожемякой (малограмотным слесарем) занялась исследованием “мусаватского” бунта; так квалифицировались, с точки зрения большевиков, “мартовские дни”.

В этой комиссии почти ничего не писали, а больше действовали: хватали людей, сажали в тюрьмы и расстреливали.

Лично мне пришлось много раз по делам моих клиентов обращаться в Следственную комиссию, где председателем был Тер-Оганиан, уже упомянутый мною выше. Среди 15—20 следователей, ее составлявших, было не более двух-трех юристов, да и то без всякого стажа; недоучившиеся студенты (медики, ветеринары, математики), писцы из судебных канцелярий, два-три письмоводителя, служивших у присяжных поверенных — вот состав этих следователей.

Принимались к производству всякие жалобы, даже чисто гражданского характера; дела нагромождались сотнями и тысячами.

Главное затруднение комиссии состояло в том, что никто не знал, в какой момент счесть дело законченным и что с законченным делом сделать дальше.

Прошло около трех месяцев, пока Кариниан додумался создать коллегия из всех следователей (общее их собрание), которая должна была изображать из себя обвинительную камеру.

Можно себе представить, что делалось только в этом учреждении!

По мысли Кариниана, все дела, прошедшие через обвинительную камеру, должны были поступать в Народный окружной суд на рассмотрение и для суждения. Но за время царствования большевиков (апрель—июль) ни одно дело не только не было рассмотрено, но даже не поступило в суд.

Народные судьи также не были назначены по недостатку подходящих людей.

Кариниан занялся совращением членов магистратуры и чинов прокуратуры на службу советской власти. Положение чинов судебного ведомства, материально и при прежнем режиме не обеспеченного, было ужасное; и тем не менее не более половины из состава магистратуры соблазнились на призыв Кариниана. Прокуратура же во главе со своим прокурором А.Ю. Литвиновичем категорически отказалась работать у большевиков, и все они оказались за бортом.

Не могу не отметить здесь трогательного отношения А. Литвиновича к своим товарищам; он делился с ними буквально последним; бегал по городу и искал пристроить куда-нибудь своих бывших товарищей, в особенности семейных,

что, благодаря его большой популярности и незапятнанной репутации, ему нередко и удавалось.

Большую услугу этим потерпевшим кораблекрушение членам судебной семьи оказал “Центродом” и его председатель А. Леонтович, устроившие многих на службу по многочисленным учреждениям “Центродома”. Там же в конце концов приютился и сам А. Литвинович.

Из числа комиссаров некоторое исключение составлял А. Джапаридзе, которому вверено было два ведомства: внутренние дела и продовольствие.

Первая из этих отраслей управления, при условии коллегиальности созданных учреждений и, главное, при режиме диктатуры одного класса (пролетариата) над всеми другими, скоро дала себя почувствовать всему населению.

Печать на первых же порах была задушена, причем типографий были национализированы, как и вся бумага.

Издавались в изобилии декреты, коими обыватель окончательно ущемлялся.

Дело продовольствия день от дня становилось все хуже и угрожала катастрофой.

Во-первых, все окрестные селения (татарские) совершенно прекратили подвоз, и город остался без овощей, молока, яиц, живности и т. д. Путь на хлебную Кубань и в Ставропольскую губернию был отрезан, так как весь Дагестан был не только определенно настроен против большевиков за их жестокость в отношении мусульман, но из Дагестана доходили тревожные сведения, что оттуда угрожает большевикам первый удар.

Не приходилось, далее, большевикам рассчитывать и на богатую всегда хлебом Мугань: отношения русского населения Мугани к мусульманам Мугани были до того обострены, что там ежеминутно можно было ожидать возникновения столкновений; кроме того, русские поселенцы не дали бы хлеба иначе как за деньги или за товары, и о реквизициях нечего было и думать.

Голод в Баку был, что называется, на носу. И комиссар А. Джапаридзе сумел на время отказаться от своих большевистских доктрин, понимая, что Господь может легко привести большевиков к падению их власти. Он обратился к “Центродому” и, в частности, к Леонтовичу; последнему удалось убедить А. Джапаридзе не только не разрушать организации “Центродома”, организации аполитичной, но, наоборот, организацией этой воспользоваться как готовым

аппаратом для распределения продуктов среди населения и, мало того, поручить тому же “Центродому” производство закупочных операций. Не без большой борьбы со своими “товарищами” Джапаридзе удалось отстоять “Центродом” и в Исполнительном комитете, и в Совдепе.

И хотя вопрос продовольствия все же стоял очень остро в течение всего времени владычества большевиков, однако все же “Центродом” оказал населению незабываемые услуги.

Вообще Джапаридзе оказался наиболее творческим и гибким из всех главарей большевиков. Достаточно вспомнить его проект получения хлеба из Терской области морским путем с постройкой железнодорожной ветки к Старотеречной (пристань на западном побережье Каспия), благодаря чему можно было миновать Петровск-Дагестанский и Кубинский уезд, находившиеся в руках дагестанцев и татар. К постройке этой ветки, которая должна была соединить Каспий с Моздоком и Кизляром для выкачивания хлеба с Северного Кавказа, было преступлено, но она не была закончена до падения власти большевиков.

А. Джапаридзе окончил свои дни так же, как и большинство бакинских комиссаров; в августе, когда комиссары вынуждены были бежать и прибыли в Красноводск, там они были все задержаны по распоряжению правительства Закаспийской области, состоявшего из правых эсеров и меньшевиков, и, по требованию англичан (генерала Мадисона), были переданы в руки англичан, которые и расстреляли их всех в пустыне, верстах в ста от города Красноводска.

С первых же дней захвата ими власти в Баку большевики повели усиленную агитацию против татар, имея главным образом в виду партию Мусават, по их, большевиков, определению, бекско-ханскую феодальную организацию; и на митингах, и в печати, и в многочисленных прокламациях большевики призывали рабочих и крестьян к свержению ига татарской буржуазии, капиталистов и помещиков.

Пропаганда эта в некоторых районах Елизаветпольской губернии привела к кровавым расправам татарского крестьянства над своими помещиками.

Вместе с тем большевики проповедовали поход дальше, в глубь Закавказья, заняв не только татарских провинций, но и всей Грузии.

В Баку стали прибывать через Астрахань морем артиллерия, пулеметы, воинские части и все необходимое для ведения военных действий. Одновременно шла и усиленная мобилизация среди христианского населения, главным образом города Баку и его промышленного района; выдача усиленных

пайков не только самим красноармейцам, но и их семьям, а также и снабжение семей мобилизованных всем необходимым привлекло в ряды армии массу людей, в большинстве без всякой военной подготовки.

Начался поход вдоль линии Закавказских железных дорог на Тифлис; в то же время часть отрядов направлена была в Шемахинский и Геокчайский уезды. Продвижение по линии железной дороги шло почти без боев до станции Евлах, где большевикам преградила путь река Кура, широкая, быстрая и глубокая в этом месте, с единственной переправой по железнодорожному мосту.

В пределах Шемахинского и Геокчайского уездов, где большинство населения составляли татары, большевики встретили отчаянное сопротивление, организованное командированным из Елизаветполя, где в то время уже собралось Учредительное собрание будущей Азербайджанской республики, членом первой Государственной думы Исмаил-Ханом Зиатхановым (кадет; расстрелян большевиками в 1920 году во время подавления восстания в Елизаветполе. — Б. Б.).

Русское население этих уездов (главным образом молокане), уже потерпевшее перед тем от бесчинств татар в связи с Шамхорскими событиями, и, в особенности, население армянское, издавна враждовавшее (еще с 1905—1906 годов) с татарами, присоединились к большевикам. В результате двухмесячной борьбы, ведшейся с переменным успехом, почти все татарские селения, большинство армянских и цветущий город Шемаха, с 30-тысячным населением, оказались уничтоженными дотла. От всей Шемахи осталась одна русская церковь, да и то полуразрушенная.

Большевики, имея в своем распоряжении артиллерию и невероятное количество снарядов, вынудили Зиатханова к отступлению.

Но по линии железной дороги большевики, дойдя до станции Евлах, дальше не могли развить своего наступления и в конце концов были даже вынуждены отойти к станции Кюрдамир, дававшей им более выгодное стратегическое положение, так как левый фланг их прикрывался рекой Курой и рядом болот.

В это же самое время со стороны Дагестана началось наступление двух Дагестанских конных полков с 3 или 4 орудиями под командой генерала Б.П. Лазарева²⁷⁰.

Дагестанцы не дошли до Баку всего 25—30 верст. Большевики двинули против них свои лучшие силы (между прочим, матросов) с многочисленной

артиллерией. Два орудия у дагестанцев были подбиты, и они начали поспешно отступать.

Большевики в своей прессе (а другой не было) трубили о своих победах. Между тем дела их на главном фронте, на Тифлисском направлении, шли неважно. Плохо обмундированные и снабженные красноармейцы, страдая от жары и не имея хорошей питьевой воды, все время действовали в местности, изобилующей комарами и москитами; началось массовое заболевание малярией и стало развиваться повальное дезертирство, ибо в войсках дисциплины не было никакой и таковая заменялась революционным сознанием.

На главном фронте появились турецкие регулярные части, медленно, но верно, продвигавшиеся вперед.

В начале мая 1918 года и Грузия, и Азербайджан (а следом за ними вынуждена была к тому и Армения) объявили о своем отделении от России и объявили себя независимыми и суверенными государствами. В то же время Азербайджан (или Елизаветпольская и Бакинская губернии) заключил военный союз с Турцией, и на помощь к нему пришел генерал Халил-Паша (брат Энвера), с двумя или тремя пехотными дивизиями. В Елизаветполе (Ганже, по татарскому именованию) началось формирование новых воинских частей (татарских), главным образом конных, под руководством турецких офицеров и бывших русских, из числа татар и грузин.

Уже к концу июня турецко-азербайджанская армия под командой Мурсала-Паши сильно потеснила большевиков и, в сущности, обложила Баку со всех сторон. Баку, для защиты его от наступающих на него турок, представлял исключительно выгодные условия обороны. Подступы к нему с юга и юго-запада находились под обстрелом тяжелой судовой артиллерии Каспийского флота. С юго-запада и запада ближайшая, окаймляющая Баку возвышенность (Ясамальский хребет), круто, почти отвесно падающие в сторону наступающего, усиливаются, с точки зрения обороны, глубоким ущельем (Ясамальским), также обстреливаемым анфиладным огнем с моря.

Наиболее уязвимой частью обороны города Баку была северная сторона, т. е. Апшеронский полуостров, густо населенный исключительно татарским населением. Но и с этой северной стороны, при условии, что линия обороны была бы надлежащим образом оборудована и укреплена до станций Хурдалан и Зорат (по железной дороге к Петровску), при надлежащем содействии со стороны флота не угрожало непосредственной опасностью, ибо наступающий должен был пройти около 15—20 верст по совершенно открытой местности под огнем бьющей по нем артиллерии противника.

Население с момента воцарения большевиков переносившее всякие невзгоды, начинало высказывать явное недовольство против большевиков.

В Совдепе все сильнее раздавались голоса о необходимости прибегнуть к чьей-нибудь посторонней помощи. Недовольные начавшейся против них со стороны большевиков травлей, армяне — “дашнакцакане”, которых большевики обвиняли в том, что партия “Дашнакцутюн” преследует не интернациональную, а исключительно национальную и, следовательно, империалистическую политику, не стесняясь выступали открыто против большевиков.

Явное осуждение успехов на фронте и бездарной политики большевиков высказывали Союз солдат-фронтовиков и большинство моряков Каспийского флота, организовавших к тому времени руководящий орган Центрофлот, в руках которого находилось могущественнейшее средство обороны Баку — флот с его судовой артиллерией.

Сильное недовольство против большевиков нарастало и среди рабочих масс на заводах и на промыслах. Официально большевиками распущенные Армянский национальный совет и комитет партии “Дашнакцутюн” ясно представляли себе те последствия, которые угрожают армянскому населению (скопившемуся в Баку) в случае взятия последнего турками и озлобленным татарским населением.

Один из членов Армянского национального совета, присяжный поверенный С.А. Тер-Газаров был командирован в Энзели, в Персию к генералу Данстервилю, командовавшему английскими войсками в Персии, для переговоров о приглашении англичан для защиты Баку. И несмотря на сильную оппозицию большевиков, после ряда шумных и бесконечно длинных заседаний Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов незначительным, правда, большинством решил пригласить англичан и, в первую голову, состоявшего у них на службе войскового старшину Л.Ф. Бичерахова, который вслед за тем, высадившись к югу от Баку у станции Аляты, с своим отрядом из 18 сотен (кажется) кубанцев и терцев с двумя батареями, 4 аэропланами и броневыми автомобилями тотчас же потеснил правый фланг турок за станцию Кюрдамир. Но, продержавшись около недели на фронте и понеся в результате горячих боев с турками и с полками Дикой дивизии значительные потери, не поддержанный “красной” армией Л.Ф. Бичерахов внезапно отошел к Баку, остановившись со всем своим отрядом, посаженным в вагоны, у станции Баладжары.

В тот момент, когда турки, воспользовавшись отходом отряда Бичерахова, начали свое первое непосредственное наступление на Баку, Л.Ф. Бичерахов ушел со своим отрядом к северу по железной дороге к Петровску, посылая по

своему полевому радиотелеграфу в Баку телеграмму, приглашая защитников Баку держаться и обнадеживая свою дальнейшую помощью.

За несколько дней до ухода бичераховского отряда в город Баку из Астрахани, морем, прибыл отряд товарища Петрова; в составе этого отряда была хорошая артиллерия, и в особенности дивизион полевой тяжелой артиллерии — гаубицы и мортиры. Приход отряда Петрова окрылил надежды большевиков удержаться и на внешнем и на внутреннем фронте, т. е. удержаться у власти. С. Шаумян и Исполнительный комитет распустили Совдеп и назначили новые выборы, причем самые выборы сопровождались внушительной демонстрацией — дефилированием по городу и заводскому району отряда Петрова. Но выборы не оправдали надежд большевиков; в огромном большинстве во всех районах прошли социал-революционеры, эсдеки и даже беспартийные. Такого провала не ожидали даже и большевики. Большевики окончательно потеряли власть и должны были уйти.

Жуткую ночь пережило население осажденного турками города Баку (кажется, 28-го или 20 июля): большевики решили уйти в Астрахань, забрав с собою по возможности все вооружение, наличность казначейства и запасы; во всем городе огни были потушены, и большевистским комендантом был отдан приказ, что всякий, появившийся после 8 часов вечера на улицах без разрешения, будет на месте расстрелян; всю ночь по всем улицам грохотали грузовики, фургоны, повозки; скакали во всех направлениях конные ординарцы. В то же самое время какими-то путями проникали в дома слухи о том, что с фронта ушли его защитники и очищено от войска наиболее уязвимое для города место — Баладжарский фронт.

Знай только турки истинное положение вещей, они легко могли бы взять Баку в ту же ночь.

Поутру у Петровской набережной и на рейде Бакинской бухты стояли готовые к отходу полтора десятка спешно погруженных большевиками пароходов. Пароходы не отходили, как оказалось, потому, что между большевиками и Центрофлотом происходили резкие препирательства: большевики требовали свободного их пропуска, в то время как Центрофлот настаивал на возвращении всего захваченного и увозимого большевиками, угрожая в противном случае потопить большевиков.

Пока тянулись эти переговоры, часть большевистских судов ушла в море, но их у острова Жилого (часах в 4 хода от Баку) нагнали два быстроходных военных судна “Каре” и “Ардаган” и принудили, под угрозой открытия огня и потопления в открытом море, вернуться обратно. Бежать удалось только одному

пароходу, на котором находились все комиссары и главари большевиков, причем ввиду случившейся на нем аварии и опасения, что он не дойдет до Астрахани, пароход этот повернул в Красноводск, где все большевики, с С. Шаумяном во главе, были задержаны, переданы англичанам и ими расстреляны.

Власть в Баку перешла к “Диктатуре Центрофлота”, состоявшей из пяти лиц: трех морских офицеров и двух матросов.

Одержанная ими победа над большевиками, выразившаяся в особенности в отобрании у них столь необходимых для продолжения защиты Баку артиллерии и всякого вооружения, вызвала общий подъем настроения в населении.

31 июля турки начали приступ на ближайшие к Баку позиции; наступление на Баладжарском фронте наскоро собранными частями было отбито...

Примечания

267. **Байков Борис Львович**. Окончил Училище правоведения (1889). Присяжный поверенный. В Вооруженных силах Юга России; в 1918—1919 гг. деятель Русского Национального Совета в Баку, в 1919 —1920 гг. в Осваге. В эмиграции. Умер до 1967 г.

268. Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923.

269. **Пржевальский Михаил Алексеевич**, р. в 1859 г. В службе с 1876 г., офицером с 1879 г. Генерал от инфантерии, командующий войсками Кавказского фронта. В Вооруженных силах Юга России, с осени 1918 г. командующий Кавказской армией на территории Закавказья. В эмиграции в Югославии, член объединения л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Умер после 1931 г.

270. **Лазарев Борис Петрович**, р. 6 апреля 1882 г. в Благовещенске. Из дворян. Окончил Пажеский корпус (1902), академию Генштаба (1908), Офицерскую кавалерийскую школу (1909). Полковник, начальник штаба Кавказского Туземного конного корпуса. В начале лета 1918 г. наступал на Баку во главе 2 Дагестанских полков. В Добровольческой армии с 1 сентября 1918 г. в Екатеринодаре, с осени 1918 начальник штаба Кавказской армии генерала Пржевальского в Баку. В январе 1919 г. начальник штаба войск Каспийского побережья, с 27 марта 1919 г. военный министр Закаспийского правительства и командующий фронтом, с

июня 1919 г. начальник Сводной Закаспийской дивизии, с 5 августа 1919 г. до 27 ноября 1919 г. командующий войсками Закаспийской области. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии. В марте 1922 г. член просоветской организации. Вернулся в СССР с генералом Слащевым.